

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК УГРОЗА ЧЕЛОВЕКУ

А. А. Антипов (Санкт-Петербург)

В статье рассматривается проблема исчезновения литературы как важнейшего компонента современной философии образования. Показано, что русская литература выполняет важнейшую мироориентирующую функцию для становления человека в человеке как сверхприродного существа. В работе аргументируется мысль о том, что главная задача образовательной политики – возвращение культа чтения и осознание оснований национального бытия. Автор обращается к ряду философских взглядов и утверждает, что исчезновение литературы делает бесплодной философию и гуманитарное знание в целом.

Ключевые слова: гуманитарное образование; охранительная функция литературы, преобразовательная функция литературы; смыслопорождающая функция литературы; тенденция офиса; проблемный характер преподавания.

HUMANITARIAN EDUCATION IN MODERN RUSSIA: DISAPPEARANCE OF LITERATURE AS A THREAT TO HUMAN BEING

A. A. Antipov (Saint-Petersburg)

In the article the author considers the problem of disappearance of literature as an essential component of the modern philosophy of education. The author shows that Russian literature performs the most important function for the formation of the human in the human being as a supernatural being. In the work it is argued that the main objective of educational policy is to resurrect the cult of reading and to comprehend the fact that Russian literature has a direct relationship to the foundations of national life. The author turns to a number of philosophical views, and claims that the disappearance of literature makes the philosophy and humanitarian knowledge barren and meaningless.

Key words: humanitarian education; guarding function of literature, transforming function of literature; the sense-making function of literature; the problematic nature of teaching.

Современная философия образования, как и современная философия в целом, ведет сегодня поиск единых основ, нового истока, кружась в вихре постмодернистских симулякров. И если для философии этот бесконечный безосновный поиск может казаться нормой, то безосновность обра-

зования, кровными узами связанного с традицией, это неизбежный путь в нефилософское небытие.

Уже давно очевиден тот факт, что гуманитарное образование и как процесс, и как промежуточный итог возможно только в рамках текстовой культуры, где определяющую роль играет художественная литература.

Появление литературных художественных текстов является одним из важнейших событий в истории человечества: это едва ли не первый акт глубинной духовной рефлексии человека, то есть осознания последним своей определяющей надприродной, искусственной (в смысле самосозидания) сущности – сущности творца.

Согласно известному высказыванию М. Мамардашвили, «человек есть искусственное существо, рождаемое не природой, а саморождаемое через культурно изобретенные устройства» [1, с. 45–47], одним из которых, несомненно, является литература. Но если культура и, в частности, художественная литература, поддерживает человека в человеке, то и последний своим восприятием должен питать ее человеческую размерность: и эстетическую и, прежде всего, этико-мировоззренческую.

На сегодняшний день мы имеем все основания говорить о том, что литература исчезает и что данный факт представляет собой непосредственную угрозу *человеку*, причем не только в духовном, но и в физическом смысле. Именно эту онтологическую проблему мы бы хотели обсудить в нашей работе.

Первоначально определим, почему художественный текст так важен для возрастания и адекватного пребывания человека в мире и, наконец, для его самосохранения – в том статусе, который он так долго отвоевывал у природы. Какие функции выполняет художественный текст как посредник между человеком и миром?

Первую функцию текста мы назовем *охранительной*. Художественный текст опосредует наше восприятие мира, переводя его эмпирику в знаково-символьный план. Что ценного в этом акте? Вспомним И. Канта, который, говоря о преимуществе прекрасного искусства, писал, что последнее «изображает прекрасные вещи, которые в природе уродливы и отталкивающие» [2, с. 153]. Не в том смысле, что произведение уводит нас от реальности, а в том, что оно опосредует ее порой разрушительные воздействия. Картина смерти и страдания, увиденная непосредственно, может вызвать отвращение, ужас, шок. Но если этот шок будет талантливо, гениально воплощен в эстетичной форме, он вызывает сопричастие и катарсис. Мы указали на общеизвестный еще со времен аристотелевской «Поэтики» факт. Но подчеркнем, что художественный текст охраняет не только от натурализма реальности (даже изображая его), но и от ее праздного *обезличивающего* воздействия. В наше время, когда мода на «страшилки», и документальные, и художественные, стала самодовлеющей, и поэтому страдание неинтересно, так как длинно, а смерть – это либо статистика, либо постмодернистский символ, даже украшение, необходимая *пикантность*, – литература остается едва ли не последним способом сохранения за понятиями «страх», «смерть», «страдание» их подлинного содержания.

Вторая функция художественного текста непосредственно связана с первой, но все же претендует на самостоятельность – это *преобразование*.

Искусство, по известному выражению Гете, позволяет не только в капле увидеть море, но и разглядеть само море, *остановиться* перед миром не как обыватель и потребитель, а как созерцатель. Об этом очень хорошо писал П. Флоренский: «Цель художества – преодоление чувственной видимости, натуралистической коры, случайного и проявление устойчивого и неизменного, общезначимого и общезначимого в действительности» [3, с. 26]. И опять же заметим, что речь идет не столько о том, что текст украшает, очеловечивает мир, – нет, он может показать и его безобразие, бездну между миром и человеком, принципиальную нечеловечность мира. Вот что главное – литература снимает с наших глаз утилитарно-обывательские очки.

Третья функция – *познавательная, смыслопорождающая*. Мы сказали выше, что художественный текст заставляет нас думать над изображенным. Теперь добавим – и додумывать: мы не только размышляем над теми смыслами, которые ограничены сюжетным пространством текста, а *обязаны* вписывать текст в культуру, национальную, мировую, растягивая при этом порожденные текстом и нашей работой смыслы во временном континууме. Здесь необходимо привести слова Ю. Лотмана, который утверждал, что «текст способен генерировать новые смыслы» [4]. Эту же идею выражает общая мысль У. Эко и Р. Барта, для которых подлинное понимание текста и работа читателя начинаются после последней строки [5–6]. И, если текст исчезает, перестает восприниматься, тогда обесмысливается и весь смыслопорождающий механизм, а значит, мертвеет культура.

Все названные функции текста сводятся к главной – *единения*. Это единение имеет и сакральный смысл – *таинственного общения душ между собой* [7, с. 73]. Это *общение* не только читателя и автора, но и читателя с читателем: современников, а также читателей разных эпох, никогда не узнающих друг друга. Именно так, в акте восприятия Бородино, Дона, Сталинграда рождается ментальное единство и в настоящем, и как связь времен.

Теперь обратимся к тому, что происходит в результате забвения этих очевидных истин, то есть к следствиям исчезновения литературы в контексте нашего гуманитарного образования и культуры.

Литература, *исчезая*, перестала охранять нас и наших детей от непосредственности мира. На сегодняшний день мы имеем лидирующие позиции в мире по суицидам среди подростков и подростковому насилию и сделали *решительный шаг вперед* в этом направлении в последние годы. Кто-то может сказать, что причинно-следственная связь с утратой интереса к литературе здесь очень условна. Но, по нашему убеждению, она как раз безусловна: одной из составляющих великой учительской роли русской литературы является внушение ценности и смысла жизни. И, если этот смысл не внушен, не внушался, даже малейшие жизненные трудности будут казаться непреодолимыми, а их решение *единственно возможным*.

Что такое, на сегодняшний день, дружба в глазах подрастающих поколений? Партнерство, соглашение, «тусовки» по интересам. Соглашение временное, которое легко разорвать, так как оно лишено нравственной основы, не имеет системы тонких и сложных привязанностей. И трудно понять, почему Андрей Болконский разговаривает с Пьером на русском, когда весь *свет* на модном французском, и, вообще, что связывает этих столь непохожих, *непартнерских* людей. Трудно понять еще и потому, что

Толстой в глазах обучающихся стал подобен Гомеру – столь же далек и мифологичен. Почему Жилин второй раз зовет бежать из плена провалившегося первый побег *не друга* Костылина? И это тоже диковинно, как и понятия товарищества, офицерской чести, просто *своего*.

Что такое сегодня любовь? Химия и физика с сильным соревновательным акцентом. А то, что любовь – это и «шепот, робкое дыханье», и «с простынь, бессонницей равных, срываться, ревнуй к Копернику» – кажется просто нелепым. А некрасовское «от ликующих, праздно болтающих, обогряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви» – инопланетно по своей недоступности, ведь концепцию *любви* уже давно формируют участники бесконечных «лобных мест».

Соответственно, мы утратили и смыслопорождающую функцию литературы. Почему современным школьникам и студентам не хватает аналитизма и критицизма мышления? Причина, по нашему убеждению, в отсутствии сложностей при получении знаний. Это знание в массе своей становится реферативным, сваренным, его не нужно добывать и готовить. Реферативное мышление – сбор фактов, их стройное изложение, но не анализ. И в условиях культа рефератов и презентаций, за которыми, демонстрируя перед начальством передовой уровень информационных технологий, гонятся современные образовательные учреждения, мы имеем разрозненные знания об исторических, биографических фактах, художественных особенностях произведения – при невозможности увидеть связь времен, выделить основную проблему, которую содержит художественный текст, и тем более понять, что эта идея имеет непосредственное отношение к основаниям национального бытия. Наши школьники привыкли отвечать на вопросы «что?», «где?» и «кто?» и забыли о вопросах «почему?» и «зачем?», тогда как именно последние относятся к высшей группе – проблемной. Заметим, что этой тенденции следуют и современные учителя, кто-то вынужденно, а кто-то уже по привычке – как полноценный *участник* новой образовательной формации.

Скажем и еще об одной тенденции *профессионального ориентирования учащихся* – тенденции *офиса*. Разговоры о дифференциации учащихся в школе на деле приводят к офисному разъединению, внушению каждому мысли о том, что другие – не товарищи, а твои соперники в гонке за высокими баллами и, в длительной перспективе, за сытное место в жизни. Почему офис стал нашей реальностью? Потому что наши школьники и студенты не читают или не понимают «Мы» (мы уже не говорим об Оруэлле и Хаксли), а поэтому их (да и уже нас) не тошнит от *стеклянной* реальности и перманентного угодничества как залога финансового успеха и карьерного роста.

С утратой всех названных функций исчезает и главная функция литературы – *единения*. Разобщение детей в школе, разобщение школ, учителей, пропасть между государством, вершащим судьбу образования, и самой образовательной системой, приводит в итоге к распаду общества, так как именно единство образовательной атмосферы делает едиными всех, кто к нему причастен. Сейчас, как никогда, актуальны слова Манделштама: «Мы живем под собою не чуя страны». На фоне этой беспочвенности возникают разговоры о «России для русских» и проявления религиоз-

ного шовинизма разного рода. Участники этих действий не знают, что под стелой на Бородинском поле покоится Багратион, один из лучших русских, погибший за Россию, а в 1941 г. Москву как одну столицу отстаивали все причастные России национальности – отстаивали как раз от тех, кто желал национальной однородности.

Выдвинем опасное предположение: а может быть, тем, кто стоит у руля образования и образовательных реформ, выгодно, чтобы русская литература исчезла и превратилась в *ничто* или статистику для будущих исполнителей, на подготовку которых направлена сегодня образовательная система? Ведь наряду с тем, что литература пробуждает в человеке критически мыслящую и гуманистически ориентированную личность, вся русская литература восстает против молчалиных, кабаних, чичиковых, штольцев, ионычей, благодетелей. И не они ли сегодня торжествуют? И – не они ли сегодня выгодны государству: молчат, беспросветно работают, беспрекословно подчиняются вышестоящим, соблюдают внешнюю благопристойность, воспринимая все, что сверху, как, благо; даже если и мошеничают, главное, что тихо и *пристойно*. А на другом краю пропасти все те, кто не хочет быть беспозвоночным, задает неудобные вопросы, совершает *антисистемные* поступки, взрывает благопристойность, не хочет воспевать *благодетелей*. Чацкий, Базаров, Обломов, Жилин, А. Болконский, П. Безухов, I-330 – эти *неоднозначные* герои заставляют *неоднозначно* смотреть на мир, без очков, надетых *сверху*. И *верх* делает все, чтобы *молчалины*, помыкаемые благодетелями, *господствовали на свете*.

Возможно, наше предположение ошибочно и речь идет всего лишь о временных заблуждениях и ошибках, закравшихся в образовательный процесс. Поэтому в итогах нашей работы мы бы хотели сменить пессимистический тон и обозначить возможные пути возвращения в образование литературы, а с ней и ценности гуманитарной культуры.

Первое, русская литература нуждается в популяризации на государственном уровне. Государство должно осознать, что национальная платформа – не сырьевая экономика и точечные наноуспехи, а базовое образование, и, если речь идет о формировании национального самосознания как истока всего и вся, это образование гуманитарное, *литературное*. У государства есть очень мощные рычаги для внушения подрастающим поколениям того, что русская литература как один из главных предметов национальной гордости делает всех нас *русскими* и что ее чтение жизненно необходимо; что чтение само по себе прекрасно. Среди таких рычагов – телевидение. Литературная культура должна внедряться не на изолированных каналах для избранных, а на каналах *массовых*.

Второе: по нашему убеждению, литература должна быть выведена из ЕГЭ, так как формат ЕГЭ калечит слишком тонкий *живой* материал литературы, а также загоняет процесс ее преподавания в арифметические рамки. При этом русская литература должна оставаться не только обязательным предметом школьной программы, не превращаясь в абстрактную «Словесность», но *стать обязательным предметом программы обучения для всех университетских специальностей – подобно философии*.

Третье: преподавание литературы в школе должно носить прежде всего проблемный характер, а не *инструментальный*. Мы должны в первую

очередь говорить об этико-психологическом содержании произведения и уже потом, по необходимости, о художественной форме и средствах: можно научить моментально различать ямб от хорей и гиперболу от литоты, но если учащийся внутренне не осознает того, что «Евгений Онегин» и вся национальная классика – это «энциклопедия русской жизни», тогда знаниям о размерах и тропах – грош цена. Необходимо стремиться не к количеству рассмотренных произведений, а к качеству восприятия главных из них.

Правильное понимание русской литературы, которая всегда и единогласно выступала против огульной европеизации России (даже в лице самых *либеральных* писателей), позволит задаться вопросом: а в верном ли направлении реконструируется сегодня наш образовательный корабль и сможет ли он плыть дальше с вырванной основой традиций? Релевантен этому вопросу и вопрос о том, можно ли оценивать результаты образования с позиций *эффективности*: этот процентно-технический принцип полностью игнорирует гуманитарную составляющую образования. Мы ведь не можем подсчитать процент выпущенных из школ и университетов «чацких» или «ионычей»; подсчитать не можем, но должны понимать, что сформировать нравственно ориентированную личность в любом процентном соотношении гораздо дороже, нежели подготовить *узкого* специалиста.

Четвертое: тем, кто сегодня вершит судьбу образования, необходимо прислушаться к следующим положениям: 1) «нам надо воспитывать художников мысли, а не просто авторизованных личностей» [8, с. 272]; 2) «все реформы в России <...>, проводимые в парадигме экономического материализма – обречены, если государство не делает главную ставку на решающий – то есть человеческий – фактор» [9, с. 193].

И, наконец, последнее: нашему государству и обществу необходимо *испугаться* за судьбу гуманитарного образования и литературы как его основы. Одним из ключевых пунктов и естественнонаучной, и культурологической парадигмы эволюции человека является мысль о том, что главным фактором выживания человека стал страх перед *Ничто*, перед полным исчезновением. *Страху* мы должны быть благодарны за появление *искусственного* языка, а вместе с ним и общества. Страх утратить приобретенное человеком надприродное начало породил гуманитарную культуру и – литературу.

Если мы будем продолжать считать, что псевдопатриотические лозунги и лубочные фильмы вернут нам былое единство и величие, эта иллюзия будет втягивать нас в пропасть несуществования все сильнее. Наше исчезновение пройдет для всех незаметно, в том числе и для нас самих, – оно и сейчас проходит незаметно. А пустоту, которую мы, исчезнув, образуем, заполнят мгновенно, о чем писал Милан Кундера: «Первый шаг в ликвидации народа – это стирание памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Потом попросите кого-нибудь написать новые книги, сфабриковать новую культуру, изобрести новую историю. Вскоре народ начнет забывать, кто он и кем он был» [10].

Напомним и о том, что на протяжении всего существования литература всегда являлась высшим, предельно *острым* выражением того, что говорила философия – как острие по отношению к древку. А если говорить о прошедшем столетии, то именно литература спасла философию от пре-

вращения в один большой симулякр: об этом свидетельствуют и методологическое *бегство* к художественному тексту Мартина Хайдеггера, и философские исследования Барта [5], Эко [6] и др., и в целом тот факт, что, без получения каких-то особых санкций, философия в XX столетии сделала литературу своим главным опытным полем. Хочется верить, что в знак благодарности силы и опыт философии вступят в борьбу за возвращение литературе определяющего места в процессе созидания Человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. – СПб. : Азбука, 2000. – 324 с.
2. Кант И. Собр. соч. – М. : Чоро, 1994. – Т. 5. Критика способности суждения. – 414 с.
3. Флоренский П. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях // Декоративное искусство СССР. – 1982. – № 1. – С. 25–29.
4. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php (дата обращения: 18.02.2013).
5. Барт Р. Нулевая степень письма. – М. : Академический проект, 2008. – 431 с.
6. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб. : Симпозиум, 2002. – 316 с.
7. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
8. Фортунагова В. А. Образы современного образования: к проблеме становления новой духовности // Диалог мировоззрений: современное образование в поле религиозных и научных традиций : материалы XI Междунар. симпозиума (31 мая – 2 июня 2011 г.). – Н. Новгород, 2011. – С. 268–275.
9. Пинский Ан. Образование свободы и несвобода образования. – М. : УРАО, 2001. – 288 с.
10. Кундера М. Книга смеха и забвения // Журнальный зал. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/111377> (дата обращения: 12.02.2013).

Принята редакцией: 30.03.2013

УДК 001 + 167/168 + 316.74:001

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ НАУКИ ВТОРОГО РОДА*

Н. В. Головки, Е. А. Рузанкина (Новосибирск)

Цель работы – иллюстрация ключевых элементов трансформации высшего образования после Второй мировой войны с точки зрения концепции науки второго рода (М. Гиббонс). Массовый характер высшего образования приводит к тому, что нарушается естественная монопо-

* Статья является частью авторского исследовательского проекта, направленного на поиск пересечения концептуальных каркасов новой политической социологии науки (С. Фрикель, К. Мур и др.) и концепции науки второго рода (М. Гиббонс и др.), в частности, применительно к анализу проблем формирования университета и университетского образования нового типа (см.: [2–4]). Проблема трансформации